

ИДЕОЛОГИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2010 г. Орест Владимирович Мартышин¹

Краткая аннотация: Россия переживает ныне один из периодов активного воздействия государственной идеологии на формирование политической и правовой культуры. Наблюдается определенное смещение акцентов с общечеловеческих ценностей на национальные традиции и интересы. Теоретически и исторически это оправданно. Проблема в том, какие традиции культивировать. Представляется, что пропаганда российского консерватизма, монархии, клерикализма, полное отрицание какого-либо положительного вклада трех русских революций в национальную историю не способствуют развитию демократии.

Annotation: modern Russia goes through one of the periods of active interference of state ideology into formation of the new political and legal culture. A certain shift from universal human values to national tradition and interest is evident which is quite justified both from historical and theoretical point of view. The problem is what kind of national traditions should be cultivated. It seems that propaganda of russian conservatism, monarchy, clericalism, social inequality, elite, total denial of any positive contribution of three Russian revolutions to national history do not promote development of democracy.

Ключевые слова: политическая и правовая культура, государственная идеология, российский консерватизм, клерикализм, элита.

Key words: political and legal culture, state ideology, Russian conservatism, clericalism, elite.

Политическая и правовая культура определяется условиями и традициями национальной жизни и представляет собой продукт длительного развития. Известный английский политик и философ XVIII в. Г. Болингброк говорил, что истоки конституции любого государства следует искать не в абстрактных теориях, а в его истории. Но, поскольку темпы перемен и стремление человека активно на них влиять нарастают с течением времени, особенно с переходом от “застывшего” традиционного общества к динамичному, современному, воздействие “абстрактных идей” становится и более частым, и более ощутимым. Государство также безразлично к политической и правовой культуре, оно на нее опирается, стремится ее регулировать и использовать в своих интересах. В истории каждого государства бывают периоды, когда его воздействие на политическую и правовую культуру особенно велико. Они совпадают с крупными реформами и революциями, как удавшимися, так и неудавшимися.

В России последних трех столетий, чрезвычайно богатых разного рода потрясениями, выделяется несколько периодов особой активности государства в формировании политической и правовой культуры.

Прежде всего это эпоха реформ Петра I. Создание “регулярного государства”. Внедрение официального петербургского западничества на основе абсолютной монаршей власти. Стремление к обновлению и прогрессу, презрение к прошлому. Ломка, как правило, варварскими методами, традиционного уклада Московской Руси, опиравшегося на “старину и пошлину”. В ранний период царствования Екатерины II петровская платформа была подслащена абстрактными идеями “просвещенного абсолютизма”, которые в конституционном плане так и остались на бумаге, но развитию просвещения и промышленности, а тем самым и прогрессу, в России, несомненно, способствовали.

В николаевскую эпоху в качестве противоядия от освободительных идей, приведших к выступлению декабристов (“зараза, извне занесенная”, по определению III отделения) была выдвинута теория официальной народности: самодержавие, православие и народность. Самодержавие, по мнению славянофилов, все еще оставалось немецким, по более хлесткой характеристике М.А. Бакунина, татаро-немецким (“наш татаро-немецкий кнут”), но четко ставился вопрос о национальной самобытности, который, конечно же, возникал и раньше, но не в такой последовательной форме. Если не считать двадцатилетней интерлюдии реформ Александра II, породившей первоначально надежды на принципиальные изменения, эта теория просуществовала с незначительными измене-

¹ Профессор кафедры теории государства и права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук (E-mail: kafedratgp@yandex.ru; тел.: 8-499-244-87-55).

ниями до 1917 г. Октябрьский манифест 1905 г. и Основные законы 1906 г. не вызвали столь широкого и длительного резонанса, как преобразования 60-х годов.

Временное правительство и порожденные им демократические иллюзии были слишком недолговечны, чтобы запечатлеться в политическом и правовом сознании масс.

Советская эпоха представляет собой самый яркий в нашей истории пример целенаправленного и мощного, как разрушительного, так и созидательного, воздействия государства на политическую и правовую культуру. Вся она подвергалась принципиальной переделке в соответствии с марксистским мировоззрением. По резкости изменений и грубости (варварству) форм социалистическая революция напоминает петровские преобразования, но ее масштабы и глубина несравненно больше.

И наконец, в постсоветское время опять возникает проблема формирования новой культуры в принципиально изменившихся условиях, на основе восстановления в правах частной собственности со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Различия между названными этапами развития российской политической и правовой культуры, порой очень существенные, бросаются в глаза. На первый взгляд не столь очевидны, но не менее значимы и их определенная общность, преемственность, порожденные национальной историей и традициями. По отношению к усилиям реформаторов они выступают как объективная данность, вопреки их намерениям пробивают себе дорогу. В одних случаях эта преемственность открыто провозглашалась, как, например, в идеологии самодержавия петровского, екатерининского и более позднего. В других она декларативно и иногда даже вполне убежденно и искренне отрицалась, но это не мешало ей проявляться в форме исторической неизбежности. Груз традиций способствовал этому. Таково соотношение дореволюционной и советской культур. Казалось бы, полная противоположность – самодержавие и республика, православие и атеизм. В плане социально-экономических отношений эта противоположность неоспорима. И все же, сквозь эти различия проступает и определенная общность, о которой всегда говорили те, кого мы называли антикоммунистами и антисоветистами. Они и в самом деле были таковыми, но это не мешало им порой здраво оценивать явления и называть вещи своими именами. Они утверждали, что в России по-прежнему нет свободы, царит автократичес-

кий произвол. Антикоммунисты уподобляли роль марксизма-ленинизма в СССР религии в дореволюционной России, коммунистическую партию – церкви, советского вождя – царю всея Руси.

С падением советского строя Россия еще раз приступила к трансформации политической и правовой культуры. И вновь государство играет активную роль в этом процессе, который развивается не на пустом месте и испытывает давление прошлого. Но к культурному слою, как говорят археологи, прибавились семь с лишним десятилетий советской власти, и этот исторический опыт также не мог пройти бесследно.

* * *

Любое государство, а современное в особенности, не может не выполнять определенных идеологических и пропагандистских функций, не прибегать к обоснованию своей власти, своего политического курса. Г. Моска (один из пионеров теории элит) называл это формулой власти. Также и каждая современная конституция представляет собою документ не только юридический, но и политический и идеологический.

Если в 90-е годы иллюзии деидеологизации имели распространение в России, то в настоящее время господствует противоположная тенденция. Политические партии стремятся сформулировать и идейно обосновать свои платформы. Кажется, вопрос, нужна ли в государстве идеология, не принадлежит сейчас к числу наиболее дискуссионных. Действительно важная и острая проблема состоит в том, какой эта идеология должна быть.

Принципы, положенные в основу Конституции РФ 1993 г., в известной степени явились продолжением тенденций, складывавшихся в годы перестройки. Упор делался на общечеловеческих ценностях. Особое место среди них занимали свобода, права человека, демократия, развитие институтов гражданского общества, плюрализм, гласность.

В период перестройки эти ценности, имеющие непосредственное отношение к политической и правовой культуре, мыслились в рамках коммунистического мировоззрения. Конституция 1993 г. покончила с советской системой и коммунистической идеологией, поставив на первое место в перечне видов собственности частную собственность и не установив для нее никаких ограничений. В то же время идея общечеловеческих ценностей сохраняла значение, приобретая несколько иную форму “мировых стандартов”. Последние распространялись не только на экономику, това-

ры, но и на государственную и правовую систему, на политическую и правовую культуру.

Была выдвинута идея “современного государства”, принципиально однотипного во всех “цивилизованных странах”. Авторы текста Конституции видели цель в том, чтобы создать “современное государство” в России, руководствуясь мировыми стандартами. Они формально разработали развернутую систему демократических институтов, принципов, свобод, не уступающую во многих отношениях либеральным режимам Запада. В этой системе есть, однако, одно чрезвычайно важное исключение. Это широкие полномочия Президента РФ, не сравнимые с компетенцией глав государств и правительств стран Запада. Подобно неофициальному статусу И.В. Сталина и менее крупных советских вождей правовое положение президента вызывает ассоциации с дореволюционной Россией. «Власть президента огромна, он не “вписан” в разделение властей, а располагается над ними (в этом смысле римейк царской власти²)», – пишет акад. Ю.С. Пивоваров.

С позиций “мировых стандартов” это явление предстает как изъян демократии. Президентская власть не только по германскому, но и по французскому, и даже по американскому образцу, не говоря уже о парламентской республике, больше соответствовали бы критериям “современного государства”. Но в этом отступлении от канонов сказались политическая мудрость не составителей текста, а тех политических деятелей, которые были подлинными авторами Конституции. Широкие полномочия президента вывели власть из паралича, которым она страдала на рубеже 80–90-х годов, создали условия для реального выполнения государственных функций. Президент получил возможность действовать во многом независимо от кипения страстей в органах народного представительства. Сравнение политической ситуации в России и в Украине после изменения конституции этой страны, имевшего место в связи с избранием В. Ющенко Президентом, свидетельствует в пользу российского варианта решения проблемы.

В целом идеология новой политической и правовой культуры при первом Президенте РФ ориентировалась на мировые стандарты, декларировалось стремление как можно скорее воплотить их в жизнь. Ситуация несколько изменилась, когда меры второго Президента РФ по укреплению вертикали власти вызвали критику внутри страны

и за рубежом. В этих условиях в политическую идеологию была внесена существенная поправка. Было заявлено, что, руководствуясь общими принципами и идеалами демократии, Россия не может не считаться с национальными традициями и условиями.

* * *

Учет национального своеобразия – принципиально правильная установка, применимая ко всем странам. Она нашла яркое и всестороннее воплощение в учении Монтескье об общем духе народа. Споры возникают лишь в связи с реализацией этого принципа, пониманием национальных традиций и потребностей.

“Мы можем гордиться нашей политической культурой. Именно она предсказала и принесла России демократию. Она располагает достаточным потенциалом для выработки российской демократической модели”³, – говорил В. Сурков в лекции, прочитанной в Российской академии наук.

Прежде и в академических, и в неакадемических кругах преобладала иная оценка российских политических традиций.

Вспомним проникновенные заключительные строки знаменитой повести А.К. Толстого “Князь Серебряный”, которые по пафосу и замыслу автора явно выходят за рамки описанной им эпохи Ивана Грозного: “Простим грешной тени царя Иоанна, ибо не он один несет ответственность за свое царствование; не он один создал свой произвол, и пытки, и казни, и наущничество, вошедшее в обязанность и в обычай. Эти возмутительные явления были подготовлены предыдущими временами, и земля, упавшая так низко, что могла смотреть на них без негодования, сама создала и усовершенствовала Иоанна, подобно тому как раблепные римляне времен упадка создавали Тивериев, Неронов и Калигул... Простим же грешной тени Ивана Васильевича, но помянем добром тех, которые, завися от него, устояли в добре, ибо тяжело не упасть в такое время, когда все понятия извращаются, когда низость называется добродетелью, предательство входит в закон, а самая честь и человеческое достоинство почитаются преступным нарушением долга”⁴.

Те же мысли А.К. Толстой развивал и в стихотворении “Змей Тугарин”, приписывая темные

² Пивоваров Ю.С. Русская власть и исторические типы ее осмысления // Полития. 2000–2001. № 4. С. 17–18.

³ Русская политическая культура. Взгляд из утопии. М., 2007. С. 14.

⁴ Толстой А.К. Избр. произведения. Л., 1980. С. 310.

стороны русского государственного быта влиянию Золотой Орды⁵.

Спустя почти полвека в знаменитом консервативном манифесте – “Вехах” С.Н. Булгаков пишет: “Русская государственность не обнаруживает пока признаков обновления и укрепления, которые для нее так необходимы, и как будто в сонном царстве, все опять в ней застыло, скованное неодолимой дремой. Русская гражданственность, омраченная многочисленными смертными казнями, необычайным ростом преступности и общим огрублением нравов, пошла положительно назад”⁶. Через 10 лет в сборнике “Из глубины” П.Б. Струве заявляет: “Теперь для нас должно быть совершенно ясно, что русская монархия рушилась в 1917 г. оттого, что она слишком долго опиралась на политическое бесправие дворянства и гражданское бесправие крестьянства”⁷.

Н.Н. Алексеев заявлял, что по учению евразийцев, русское государство является наследником империи Чингисхана⁸, не Киевской Руси, а именно Чингисхана. Похоже, что имелись в виду не только территориальные пределы и национальный состав, но и сам строй государства. Во всяком случае, современный пропагандист евразийства А. Дугин в предисловии к книге Н.Н. Алексеева пишет: “Русь изначально строилась как государство восточного типа”⁹. С А.К. Толстым здесь расхождение лишь в хронологии – не с господства Золотой Орды, а изначально Русь тяготела к восточной деспотии.

Каковы же те черты политической культуры, которые “принесли России демократию”, где в российской исторической традиции “достаточный потенциал для выработки демократической модели”? Те “яркие особенности”, которые В. Сурков выделяет в российской политической практике, – “стремление к политической целостности через централизацию властных функций”, “идеализация целей политической борьбы” и “персонификация политических институтов” (“Говорят в нашей стране личность вытесняет институты. Мне кажется, в нашей политической культуре личность и есть институт. Далеко не единственный, но важнейший”)¹⁰ – не свидетельствуют о демократизме. Идеализация политических целей в рав-

ной мере свойственна и консервативным кругам (русские монархисты), и сторонникам диктатуры пролетариата. Персонификация политических институтов, государства в целом благоприятна не для демократии, а для личной власти во всех ее формах – от монархической до фашистской.

История свидетельствует о том, что наша наследственность неблагоприятна для демократии. Наша традиция за последние четыре века – либо самодержавие, либо диктатура партии, легко склоняющаяся к личной диктатуре. В таких условиях демократическая культура сложиться не могла, она всегда подвергалась гонениям. Лишь в одном смысле можно сказать, что российская правовая и политическая культура “предсказала и принесла России демократию”: она убедительно продемонстрировала деградацию и распад авторитарных режимов как в царском, так и в советском варианте, и тем самым подталкивала к поискам демократических решений. Но краткий эпизод свободы после февральской революции и некоторое оживление демократических начал в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века быстро себя исчерпали, оказались нежизнеспособными. Здесь-то и сказалась историческая наследственность.

Очевидно, что путь России к демократии будет труден. Несовершенные, переходные формы неизбежны. Так называемая “суперпрезидентская республика” представляет одну из них. Концентрация власти способна повысить ее эффективность и оказаться, в конечном счете, благотворной, но сама по себе она ни в коей мере не содействует установлению демократических начал.

Ряд наблюдаемых в последние годы явлений, непосредственно связанных с оценкой исторического наследия и формированием новой политической и правовой культуры, также не способствует демократической ориентации. К ним относятся идеализация дореволюционной России и монархической формы правления; односторонняя отрицательная оценка революции как формы общественных преобразований, в первую очередь, трех русских революций и советского периода; неуклонно расширяющееся внедрение религиозных институтов и представлений в общественно-политическую, культурную, а в последнее время, и научную жизнь; пропаганда общественного неравенства, элитизма, консерватизма.

* * *

Попытки переосмысления отечественной истории – закономерное следствие распада советской системы. Среди них видное место занимает иде-

⁵ См.: там же. С. 721–722.

⁶ Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 31.

⁷ Там же. С. 465–466.

⁸ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 412.

⁹ Дугин А. Теория евразийского государства // Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 17.

¹⁰ Русская политическая культура. С. 8–9.

ализация дореволюционного прошлого. “Россию, которую мы потеряли” изображают как процветающее государство, утверждающее прогрессивные начала во всех сферах жизни, опирающееся на безоговорочную поддержку народа, крепкое органической связью с ним и смело смотрящее в будущее. Социально-экономическая и особенно политическая отсталость России, кризис самодержавия полностью отрицаются. Удачную характеристику этой тенденции, которая преобладает в средствах массовой информации, поддерживаемых государством, дала политолог И.И. Глебова в статье “Прошлое как оправдание настоящего. Историческая мифология и политическая ложность”. «В сегодняшней России самая общая рамка восприятия времени – ностальгическая: сознание потери, томление по утраченному, – пишет она. – Эта “ретроориентация масс” активно используется телевидением, кино, литературой... Нежелание помнить, стремление заместить “неудачное” прошлое его приемлемыми образами требует постоянно “делания” прошлого – его искажения, идеологизации, усиления в нем мифического начала. Получается, что назначение нашей “работы” с прошлым не в том, чтобы добиться адекватного самосознания и преобразовать себя, но подтвердить некий исходный идеальный образ себя и тем самым “правильность” существующего социального порядка»¹¹.

В центре этой “исторической мифологии” оправдание самодержавия.

Пропаганда монархических идей приобретает в РФ размах. Примечательна статья проф. Л.С. Мамута¹², в которой с критических позиций дается обобщенное изложение апологии самодержавия в публикациях А.М. Величко, И.А. Василенко, А.С. Панарина, М.В. Назарова, А.Н. Нарочницкой и др. Можно значительно расширить круг монархических публикаций. В двухтомном анонимном сочинении “Проект Россия”¹³ говорится: “Наша идея – монарх, власть которого ограничена религией. Власть, стоящая на двух ногах – алтарь и трон. Обратите внимание, мы желаем восстановления системы и принципа, а не какой-либо монархической фамилии... Наша задача – создать условия для возрождения самодержавия. Сначала на Руси, а потом во всем мире. Постепенно,

незаметно, в череде как бы текущих сами собой событий”¹⁴.

И. Зернов сочувственно комментирует взгляды И.А. Ильина о том, что монархия представляет собой самую совершенную форму государственного устройства, но она не может быть осуществлена в России сразу после падения коммунистического режима, и для восстановления народного правосознания потребуются предварительно национальная, патриотическая, авторитарная диктатура¹⁵. А. Дугин говорил: “При Путине у нас сложилась фактически монархическая система, очень позитивная, очень полезная для России. Но, к сожалению, он не остался на третий срок и не придал этой системе характер легальной, легитимной модели”¹⁶.

Распространены монархические идеи в кругах Русской Православной Церкви. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в бытность свою Митрополитом Смоленским и Калининградским и главой Отдела внешних связей РПЦ выражал надежду на “нравственное восстановление” российского общества, при котором в стране станет возможной “православная монархия”¹⁷.

Идеализация российской монархии встречается в двух вариантах, традиционном и “конституционном”. Последний оживился в связи с мероприятиями, в том числе официальными, посвященными столетию учреждения Государственной Думы. Основные законы 1906 г. подавались как пожалованная монархом конституция. Восторжествовала точка зрения октябристов, подхваченная после разгрома революции авторами “Вех”. Трезвая оценка событий отечественными и зарубежными исследователями игнорировалась. Между тем Н.Н. Алексеев слово конституционализм применительно к России употреблял только в кавычках¹⁸, а В.В. Леонтович, либерал с сильными монархическими тенденциями и полным отрицанием любых революционных действий, признавал, что “обещание дать конституцию оказалось уступкой давлению революционных сил, а не соглашением с представителями либерализма”¹⁹.

Ярчайшим проявлением нашего “конституционализма” явились разгон I и II Думы и в особенности еще одна “контрреформа” (оценка М.М. Ко-

¹¹ Независимая газ. 2007. 6 апр.

¹² Мамут Л.С. О концепции православно-монархического строя для постсоветской России // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 59–68.

¹³ См.: Проект Россия. Книга первая. М., 2006; Выбор пути. Книга вторая. М., 2007.

¹⁴ Цит. по: Лит. газ. 2008. 23–29 янв.

¹⁵ См.: Зернов И. Иван Ильин. Монархия и будущее России. М., 2007.

¹⁶ Лит. газ. 2008. 13–19 февр.

¹⁷ См.: Независимая газ. НГ-Религии. 2007. 4 апр.

¹⁸ См.: Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 127.

¹⁹ Леонтович В.В. История либерализма в России 1762–1914. М., 1995. С. 434.

валевского), т.е. принятый в нарушение основных государственных законов в ред. 23 апреля 1906 г. Закон 3 июня 1907 г., обеспечивший, наконец, царизму лояльный состав представительного органа путем антидемократического изменения избирательного права. М.М. Ковалевский в связи с заявлением П.А. Столыпина с трибуны Государственной думы о том, что законы должны молчать, раз того требует интерес государства, уподобил его Робеспьеру, который также руководствовался этой сложившейся еще в Древнем Риме поговоркой²⁰. М. Вебер внимательно изучавший перемены в России начала XX в., одну из своих работ назвал “Переход России к псевдоконституционализму”. Того же мнения Р. Пайпс. “Этот самообман – абсурдная концепция конституционного самодержавия – явился причиной бесконечных трений между двором и Думой”²¹, – пишет он.

Создается впечатление, что ныне симпатии отечественных монархистов склоняются больше не к мнимому, идеальному “конституционному” самодержавию, а к подлинному российскому царизму без псевдолиберальных прикрас. Суть его ясно выразил Н.М. Карамзин: “...для твердости бытия государственного безопаснее поработать людям, нежели дать им не вовремя свободу”²².

Н.Н. Алексеев видит истоки идеологии самодержавия во взглядах и деятельности Ивана Грозного: “Политическое учение Грозного целиком было заимствовано теоретиками нашей абсолютной монархии вплоть до нашего времени. Л.А. Тихомиров прямо переложил его учение своими словами и объявил политическую концепцию Ивана Грозного идеалом, вытекающим из чисто православного понимания жизни”²³. При этом Н.Н. Алексеев подчеркивает, что идея московской неограниченной монархии была идеей языческой, в точности воспроизводящей все основные моменты древневосточного абсолютизма”²⁴.

Отечественным сторонникам “консервативного и неоевразийского проектов” дорого неподпорченное византийско-московское, а отнюдь не “конституционное” самодержавие. Отсюда переоценка исторического прошлого. Попытки либерализации или вестернизации, даже идущие сверху подаются как “потуги быстрых и радикальных изменений в стране”, а в качестве примеров

проводятся “петровские реформы, деятельность Александра II, Временного правительства и др.”²⁵ Почему-то октябрьский манифест 1905 г. в этот список не попал. Зато политика Александра III вызывает полное понимание и сочувствие. Она уже не воспринимается как реакция тем более мрачная и беспросветная, что она лишила даже возможности “отчетливо сознавать всю бездну бесправия русского народа”²⁶, как в консервативных “Вехах” подчеркивал В.В. Кистяковский. Возрождается позиция К. Леонтьева: “великое исправительное движение 80-х годов”. Слово “контрреформы” исчезает из обихода. Такая позиция продиктована своеобразным пониманием сегодняшних проблем России. Писатель А. Салуцкий ведет линию от Александра III к Сталину. “Настало время мощного державного государства, модернизованной московской Руси, – заявляет он, – есть основания полагать, что Россия подспудно уже начинает выбирать линию исторического движения, которая продолжит траекторию Александра III и Сталина – поверх политических различий между эпохами, не в условиях монархии или диктатуры, а на основе демократического развития”²⁷.

Надежда на возрождение сталинской политики на демократической основе поразительно наивна. Демократические институты могут сосуществовать с тоталитарными методами только в качестве буфера.

Пропаганда монархических идей в открытой или завуалированной (вождь – спаситель нации) форме до сих пор вызывает положительный отклик у немалого числа российских граждан. Причина в вековых политических традициях, не изжитых еще полностью правосознанием. По словам Н.Н. Алексеева, в душе русского народа “издавна бродила ... идея диктатуры”²⁸. В ней сказалась не только привычка к деспотическому правлению, но и утопическая надежда на справедливого царя, который сурово взыщет со всех притеснителей народа. Однако нужно ли пропагандировать эти взгляды? Не очевидно ли, что персонификация власти противопоказана демократии?

* * *

Идеализация самодержавия идет рука об руку с безоговорочным отрицанием революционно-го движения, всех трех русских революций, но

²⁰ См.: Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909–1910. М., 1991. С. 270.

²¹ Пайпс Р. Русская революция. Часть первая. М., 1994. С. 55.

²² Цит. по: Пивоваров Ю.С. Указ. соч. С. 15.

²³ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 63.

²⁴ Там же. С. 76.

²⁵ Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов-н/Д., 2007. С. 13–15.

²⁶ Вехи. Из глубины. С. 133.

²⁷ Салуцкий А. Кто там шагает левой? // Лит. газ. 2007. 8–14 авг.

²⁸ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 94.

в первую очередь, разумеется, Октябрьской. Социально-экономическая и политическая обусловленность этих важнейших событий, их подготовленность кризисом и полной деградацией самодержавия не признаются. Образцом для оценки революции послужили сборники “Вехи” и “Из глубины”.

По Г.Б. Струве, интеллигентское “отщепенство и есть та разрушительная сила, которая, разлившись по всему народу и сопрягшись с материальными его похотями и вожделениями, сокрушила великое и многосоставное государство”²⁹. Героиня толстовского “Воскресения” говорила: “Обижен, очень уж обижен простой народ”. Струве объяснил недовольство народа “его материальными похотями и вожделениями”. Близок к нему С.Л. Франк, говоривший о “разнуздании, под именем рабочего и аграрного движения корыстолюбивых инстинктов и классовой ненависти в народных массах”³⁰.

Современная монархическая литература “обогатила” веховскую традицию отрицания объективной обусловленности революции “системным”, как теперь говорят, кризисом самодержавия лишь утверждениями, что революция носила ярко выраженный антинациональный характер и была делом рук враждебных России государств и разведок. При этом революционеры подаются или как наемные агенты иностранных разведок, или, в лучшем случае, как люди, сознательно приносящие Россию в жертву мировой революции.

“Факты говорят о том, что российская революция вообще не была вызвана внутренними экономическими или социальными проблемами, – рассуждает писатель В. Шамбаров. – Она была преднамеренно спланирована и организована враждебными нашей стране внешними силами, сумевшими целенаправленно расколоть русский народ и стравить между собой”³¹. А.И. Солженицын писал о “стратегически задуманном Лениным ударе по русскому народу как главному препятствию для победы коммунизма”³². А. Салуцкий утверждал, что леворадикальная ленинская гвардия “пустила великую страну на хворост для пожара мировой революции”³³. Ему вторит В. Сурков: “...все фигня по сравнению с мировой революци-

ей, как выражались идеалистически настроенные головорезы”³⁴.

Речь идет не просто об отрицании, но о том, чтобы вызвать ненависть к революции и ее вождям. Исключение нередко делается для Сталина. Печатная, аудио- и видеопублицистика, в том числе так называемые историко-документальные фильмы, производимые Российским фондом культуры под эгидой Е. Чавчавадзе, клеймят Ленина и Троцкого как предателей национальных интересов. А вот Сталин выводится из-под огня критики. Ему прощают и сплошную коллективизацию, и раскулачивание, и уничтожение миллионов соотечественников в ходе невиданных по масштабам и жестокости репрессий, и цену, которой страна оплатила победу в Великой отечественной войне, и многое другое. Будучи убежденными антикоммунистами, сегодняшние российские монархисты как-то забывают, что Сталин был вождем ВКП(б) и международного коммунистического движения, что его детище – “социалистический лагерь” стал важным шагом на пути к мировой революции.

В чем секрет особого отношения к Сталину? По словам А. Салуцкого, он продолжил линию, идущую от Александра III, “когда во главу угла ставили российские интересы, опирались на систему национальных моральных и культурных ценностей”³⁵. Странно выдавать сталинскую опричнину за следование национальным моральным ценностям, а насаждение социалистического реализма, кампанию борьбы с космополитизмом, уничтожение важнейших направлений научного исследования за развитие национальной культуры.

Действительная преемственность между Александром III и Сталиным помимо стремления отстоять национальное (государственное) величие заключается в создании жесткого режима централизации и персонификации власти. Сталин – архитектор и строитель советской тоталитарной системы. Александр III – его предшественник на почве Российской империи. Заслуживает внимания замечание Р. Пайпса о том, что корни современного тоталитаризма следует искать не в идеях Руссо, Гегеля или Маркса, а в том фундаменте бюрократически-полицейского режима, который был заложен в 80-е годы XIX в. и просуществовал до падения самодержавия³⁶. При полном несхождении намерений и социально-экономической базы у Александра III и Сталина была общая политическая технология.

²⁹ Вехи. Из глубины. С. 462.

³⁰ Там же. С. 482.

³¹ Лит. газ. 2007. 1–7 авг.

³² Солженицын А.И. Двести лет вместе. Ч. II. М., 2002. С. 273.

³³ Лит. газ. 2007. 8–14 авг.

³⁴ Русская политическая культура. Взгляд из утопии. С. 12.

³⁵ Лит. газ. 2007. 8–14 авг.

³⁶ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 71, 389.

Не видеть трагического характера революции, ее преступлений, неудач, поражений, перерождения, приведшего ее к бесславному концу, невозможно. Но нереалистичны, крайне тенденциозны и продиктованы политическими интересами попытки представить революцию как выпадение из национальной и мировой истории, вызванное исключительно злокозненностью большевиков, как полный и позорный провал, который в интересах национального развития должен быть проклят и забыт, по названию романа В. Астафьева. Такой подход означал бы нежелание извлекать уроки из исторического прошлого. Он не был свойственен лучшим представителям русской эмиграции. Некоторые из них признали предопределенность революции предшествующей историей и не приписывали вождям революции и ее рядовым участникам сугубо своекорыстных побуждений. Н.А. Бердяев более спокойно и отстраненно, чем в “Вехах” и “Из глубины”, взглянув на события, назвал революцию явлением провиденциальным, а коммунизм, имея в виду советский опыт, – судьбой России. Он же заметил, что “тираничность и жестокость советской власти не имеет обязательной связи с социально-экономической системой коммунизма”³⁷. “Русский марксизм по духу своему гораздо больше похож на старый религиозный социализм начала XIX в., чем на социализм научный.., – писал Н.Н. Алексеев. – В России он захватил широкие народные массы и стал огромным народным движением. Возможно ли это без того горения веры, о котором мы говорили?”³⁸.

Традиция связывать трагический революционный эксперимент не со стремлением кучки людей к власти ради удовлетворения своекорыстных потребностей, а с верой в высокие идеалы, с борьбой за справедливость не угасла и сегодня. Вот мнение В. Пьецуха, талантливого писателя, которому свойственно стремление к психологическому и философскому анализу нашего прошлого и настоящего при совершенном знании всех их прелестей: “А вот третья русская революция точно была великой, ибо в первый и, видимо, последний раз в мировой истории человек предпринял попытку устроить общество по Христу. Действительно: как не отрещивались большевики от христианства, как ни изгалялись над греко-российской церковью, в сущности, они руководствовались положениями Нагорной проповеди – именно что ради нищих духом поставили они октябрьский эксперимент, ради плачущих, кротких, алчущих

и жаждущих правды, то есть всячески страдающих и обиженных, которых Христос определяет как соль земли. Поэтому поражение идей русского Октября есть, в сущности, поражение человечества, которое именно что хлебом единым живо, как бы оно ни кобенилось, ни лгало”³⁹.

* * *

Оживление религиозной жизни стало знаменательным явлением в постсоветской России. Религиозные движения и организации освободились от стеснительных ограничений, столь характерных для СССР, получили свободу и активно включились в жизнь формирующегося гражданского общества. Таков один из важных аспектов более широкого процесса демократизации, начавшегося в конце 80-х годов.

Но этим дело не ограничилось. Некоторых представителей ведущих религиозных объединений, в первую очередь Русской Православной Церкви, уже не устраивает статус института гражданского общества. Они претендуют на особые отношения с государством и особую роль в государстве, не укладывающуюся в рамки общественной организации или объединения, сколь бы многочисленны и влиятельны они ни были.

Взаимоотношения церкви и государства в царской России строились не по западному, католическому, а затем и протестантскому, образцу, для которого характерен христианский вариант разделения властей, т.е. признание самостоятельности, независимости как духовной, так и светской власти, а по византийской традиции “симфонии”, теснейшей взаимосвязи двух властей. Принцип “симфонии”, безусловно, способствовал согласованным действиям. Но были у него и другие, не столь положительные последствия, а именно, зависимость церкви от государства. Так сложилось еще при Юстиниане, творце идеи “симфонии” духовной и светской власти, который считал себя не только императором, но и главой православной церкви. Эта традиция вместе с христианством пришла в Россию и очень окрепла в эпоху формирования централизованного русского государства, т.е. в Московской Руси. Как писал Н.Н. Алексеев, “иосифлянская церковь”⁴⁰ сама “давалась” в руки государства для того, впрочем, чтобы самой выступать во всеоружии государственного могу-

³⁷ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 116.

³⁸ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 145.

³⁹ Пьецух В. Дневник читателя. М., 2006. С. 88.

⁴⁰ По имени Иосифа Волоцкого (Санина), которого Н.Н. Алексеев считал центральной фигурой в разработке “политической теории московской монархии” (см.: Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 60).

щества”⁴¹. Петр I лишь завершил этот процесс, упразднив сан патриарха и подчинив церковь бюрократическому учреждению – Святейшему Синоду.

Но, став частью государства, церковь брала на себя ответственность за его политику и разделяла его судьбу. Кризис самодержавия с самого начала XIX в. не мог не сказаться пагубно на ее состоянии. Об этом много писали не только враги церкви и самодержавия, но и такие глубоко религиозные представители русской интеллигенции, как И.С. Аксаков, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и др. Вот суждение одного из них, С.А. Аскольдова (статья “Религиозный смысл русской революции”, вошедшая в сборник “Из глубины”): “Русская церковь в ее эмпирической земной организации была именно тем средоточием и основой религиозной жизни, откуда распространилось расслабление и упадок религиозного духа... Церковь, несомненно, перешла допустимые пределы охранительной политики. Она не видела, что связывая свою судьбу и авторитет с судьбою русского самодержавия, она обязывалась и блюсти некоторое внутреннее достоинство этой формы и если не вмешиваться в политическую сферу, то по крайней мере быть голосом религиозной совести в отношении всего того в государственной жизни, что взывало к этой совести”.

Несмотря на отрицательные результаты симфонии властей в дореволюционном исполнении, эта идея снова в ходу. Наблюдается своего рода братание церкви и государства, неуклонно расширяющееся и активизирующееся внедрение православия не только в общественную, но и в государственную жизнь. Государственная символика приобретает религиозное содержание. Должностные лица государства участвуют в церковных церемониях. По остроумному замечанию Ю.С. Пивоварова, “начальник со свечой в храме – это такая же примета времени как мобильный телефон, рассказы о заграничных поездках и убежание от налоговых служб, это – примета удачи, обязательный ее аксессуар”⁴². Конечно, “начальникам”, как и всем гражданам, Конституцией предоставлена свобода совести. Но представляется, что в светском государстве должностным лицам не следовало бы афишировать своей принадлежности к той или иной вере, как, впрочем, и поддерживать атеистическую пропаганду.

⁴¹ Там же. С. 87.

⁴² Пивоваров Ю. Очерки истории русской общественно-политической мысли XIX – первой трети XX столетия. М., 1997. С. 93.

Дело может не ограничиться освящением подводных лодок и научных центров, преподаванием основ православной культуры в школах и введением в армии должности священников. Ставятся и более смелые цели – отказа от светского характера государства, возведения православия в ранг официальной государственной идеологии. Особенно прискорбно, когда с этими идеями выступают титулованные юристы. “Конституционное закрепление России как федерации, светского государства, где никакая идеология не может иметь первенствующего значения и рассчитывать на государственную поддержку, выведение Русской Православной Церкви в один ряд с другими конфессиями – все это есть свидетельство утраты властями предрержащими чувства национального духа и забвение ими основ национального русского права”⁴³, – пишет, например, А.М. Величко.

Сближение церкви и государства, позволяющее говорить о возрождении клерикальных традиций, продиктовано с обеих сторон мирскими интересами. К счастью, в РПЦ есть люди, которые это прекрасно понимают. Игумен Петр (Мещеринов), ведущий сотрудник Патриаршего центра духовного развития детей и молодежи при Свято-Даниловом монастыре, в наши дни развивает мысли о ритуальном, обывательском, и подлинном воцерковлении православного человека, которые высказывались многими религиозными философами и богословами и, в частности, заняли видное место в творчестве В.С. Соловьева. В обывательском представлении, говорит Отец Петр, христианин – это тот, кто ходит в церковь, соблюдает посты, во всем слушается своего духовника и т.п. “Кроме того, в общественном сознании уже прочно укоренилось мнение, что воцерковленные люди непременно должны разделять антизападнические, монархические и тому подобные общественно-политические воззрения”. Подлинное же воцерковление “заключается в воспитании христианской личности с такими духовными и нравственными свойствами, какие не только не требуются нашим обществом, но и порой прямо противоположны общественному и государственному мейнстриму”. В связи с этим игумен Петр сдерживает пыл сторонников казенного православия: «Только теперь мы приходим к осознанию того, что историческая парадигма изменилась, время государственной религии ушло вместе с империей Романовых и что оказывать нравственное и духовное воздействие на общество Церковь может, прежде всего обустроивая свою внутрен-

⁴³ Величко А.М. Нравственные и национальные основы права. СПб., 2002. С. 118.

нюю жизнь и в ней являя пример “иного бытия”, которое привлекало бы людей своей чистотой, правдой и красотой»⁴⁴.

* * *

Приметной чертой идеологических поисков в современной России стали также оправдание неравенства, популяризация идей элитизма и создания “правлящего слоя” из “активных” групп населения. Плодородной почвой для этих идей послужил резкий рост социального неравенства в ходе утверждения частнокапиталистических отношений.

В документе (платформе) “Либерально-консервативное видение будущего России”, подготовленном при участии В. Фадеева, В. Плигина и К. Ремчукова в качестве основополагающего выдвигается “тот факт, что неравенство является принципом социального устройства любого общества”. Отсюда и призыв “не реставрировать вольно или невольно под видом справедливости подавление активных слоев общества под лозунгом борьбы с расслоением, неравенством и бедностью”. Исходя из этого, ставится задача “формирования национально ориентированного правящего слоя”, разумеется, из “активных слоев общества”⁴⁵.

В. Сурков призывает к “самоорганизации правящих, имущих, служащих, мыслящих”⁴⁶. Задача, по его мнению, состоит в том, чтобы “спроектировать политический курс таким образом, чтобы правящее большинство (странное понятие, обычно говорят о правящем меньшинстве; видимо, так названо взрослое население страны, обладающее правом голоса. – *О.М.*) в собственных интересах способствовало росту влияния и активности передового меньшинства, а именно: предпринимателей, ученых, инженеров, гуманитариев, деятелей искусств, управляющих, нового поколения политиков, т.е. творческого сословия страны”⁴⁷.

В любом деле, в государственном управлении в том числе, всегда выделяются лучшие, завоевывающие особое положение и признание. Важно, как формируется и пополняется эта элита, путем естественного отбора или путем организации, кооптации, личных связей. В первом случае элита – необходимый элемент демократической системы. Во втором – она приобретает антидемократический характер, замыкается в себе, превращается в сословие.

⁴⁴ Независимая газ. НГ-Религии. 2010. 21 апр.

⁴⁵ Независимая газ. 2005. 18 окт.

⁴⁶ Известия. 2007. 15 марта.

⁴⁷ Русская политическая культура. Взгляд из утопии. С. 20.

В тяге к элитизму, наблюдающейся в определенных кругах современного российского общества, прослеживаются тенденции именно второго рода. “Элита” стремится утвердиться не достоинством, а организацией. Отсюда склонность к элитным клубам, ресторанам, школам, вузам, общественным мероприятиям, местам отдыха, видам спорта. Поскольку похвастаться аристократическим происхождением сливки современного российского общества не могут, признаком элитарности и пропуском в среду избранных служит богатство. Пароль современной российской элиты сформулировал богатый подрядчик Хлынов, персонаж пьесы А.Н. Островского “Горячее сердце”: “За все могу заплатить!” Символом элитного поведения стал казус известного российского олигарха во французском городке Куршавеле, вызвавший международный резонанс.

Не случайно в дискуссии, развернувшейся вокруг роли современной российской элиты в ее адрес были высказано много критических соображений. По словам доктора социологических наук Е. Андриющенко, “к власти пришли кланы различных калибров, но отнюдь не лучшие силы страны”⁴⁸. Доктор философских наук И. Яковенко выделяет такие черты “российской элиты”, как “честолюбие, напор, удачливость, компетентность, готовность учиться всему тому, что позволяет приумножить и сохранить капитал, слабая обремененность христианскими добродетелями и низкая этическая озабоченность”⁴⁹.

Е. Евтушенко дал точную психологическую характеристику стремлению наших благополучных граждан к элитарности, сказав, что это верный признак плебейства и что настоящая элита никогда себя элитой не назовет⁵⁰.

* * *

Таков набор идеологических установок, популяризируемых ныне в РФ. Их объединяет в качестве родового признака консерватизм. Правящая партия “Единая Россия”, прежде называвшая себя центристской, на съезде в конце 2009 г. провозгласила своей идеологией “российский консерватизм”.

Вырисовываются следующие черты этой идеологии.

Сохраняется установка на центризм. “В нашей идеологии нет классовой борьбы, – говорит Б. Грызлов. – Мы выступаем за социальное пар-

⁴⁸ Лит. газ. 2008. 23–29 янв..

⁴⁹ Там же. 16–22 янв.

⁵⁰ Независимая газ. 2008. 18 июля.

тнерство, взаимодействуем и с профсоюзами, и с организациями бизнеса”⁵¹. Эта линия противопоставляется социалистам и коммунистам слева, либералам – справа и призвана объединить весь народ⁵².

Одна из целей “российского консерватизма” – исключить в будущем революционные потрясения, осуществлять преобразования “не рывками и скачками, как прежде, а путем, если так можно выразиться, топологических преобразований, т.е. без разрывов и потерь”⁵³.

Другой важный аспект идеологии “Единой России” формулируется так: “Мы – консерваторы, потому что хотим, чтобы Россия сохранила себя в глобальном мире, сберегла собственные традиции, собственную культуру”⁵⁴. Применительно к политической и правовой культуре это предполагает отказ от “экспортного варианта демократии”, который отбрасывает саму демократию назад, не оставляя за ней ничего, кроме ярлыка”⁵⁵. В этой связи упоминалось понятие “суверенной демократии”, выдвинутое в уже цитировавшейся лекции В. Суркова и вызвавшее язвительную критику (ее называли и “сувенирной демократией”⁵⁶ и “демократией суверенной бюрократии”⁵⁷), но в последнее время этот термин, кажется, исчез из нашего политического обихода и потому нет необходимости на нем останавливаться.

Привлекательные черты “российского консерватизма” бросаются в глаза. Что можно возразить против стремления выражать интересы всего народа, а не его части, избегать потерь и потрясений в ходе преобразований, сохранить национальные традиции и культуру, создать модель демократии, отвечающую российским условиям? Но моральное одобрение благих намерений не снимает многих важнейших вопросов. Как обеспечить социальное партнерство и найти критерий справедливости, приемлемый для олигарха, вхо-

дящего в сотню самых богатых людей планеты, и рядового, рабочего, служащего, или пенсионера? Каков характер общества, которое хочет построить “Единая Россия” помимо того, что оно должно быть процветающим и конкурентоспособным? Не сведутся ли “топологические преобразования” к “ручному управлению” в случае локальных обострений социальных отношений?

Желание исключить на будущее революции похвально. Но ведь это невозможно без решения проблем, которые порождают революции. Крушение советской системы тоже было революцией своего рода. И хотя она была сравнительно мирной, страна и ее население претерпели тяжелейшие потери и потрясения. Реформы 90-х годов подвергаются ныне заслуженной критике. Но ведь страна продолжает развиваться на их основе. Незначительное изменение состава олигархов и ограничение их политического влияния не изменили положение принципиально.

“Российский консерватизм” носит пока более лозунговый, агитационный, политтехнологический, чем аналитический характер. Он не подвел итогов прошлого и настоящего России, что делает зыбкими рассуждения о будущем.

В сфере политической и правовой культуры также много недоговоренностей. Что из дореволюционной русской традиции хотят восстановить? Нужно ли что-то заимствовать или сохранить из советской культуры? От чего желательно отказаться и что реформировать? Четкие программные установки с их обоснованием и публичным обсуждением подменяются действиями явочным путем, “постепенно, незаметно, в черед как бы текущих сами собой событий”⁵⁸, как говорится в издании “Проект Россия”.

Повторим еще раз, что неблагоприятная наследственность делает переходный период на пути к демократии неизбежным в России. Его содержание и несовершенство диктуется как традицией, так и условиями сегодняшнего дня. Но следует учитывать и цели развития. Отмеченные идеологические тенденции вызывают тревогу именно своим несоответствием демократической перспективе.

⁵¹ Грызлов Б. Две партии в одной. Вопросы идеологии “Единой России” // Независимая газ. 2008. 20 июня.

⁵² Исаев А. Наш консерватизм // Независимая газ. 2009. 25 сент.

⁵³ Русская политическая культура. Взгляд из утопии. С. 17.

⁵⁴ Грызлов Б. Указ. соч.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Лит.газ. 2008. 16–22 янв.

⁵⁷ Независимая газ. 2007. 20 июля.

⁵⁸ Лит. газ. 2008. 23–29 янв.